

Цецен Балакаев

Прах Дартаньяна,
или Монетизация Вечности

рассказы

Цецен Балакаев

Прах д'Артаньяна, или Монетизация Вечности

<https://litres.ru/73979161>

SelfPub; 2026

Аннотация

В марте 2026 года мир взорвала новость:

«На юге Нидерландов, в городе Маастрихт, учёные-археологи нашли скелет легендарного французского мушкетёра дАртаньяна, ставшего главным героем культового романа Александра Дюма-отца. Как сообщает нидерландский телеканал NOS, останки были найдены в феврале 2026 года во время ремонтных работ после частичного проседания пола в церкви»

Как драматург, я немедленно, в тот же вечер написал пьесу «Прах ДАртаньяна, или Монетизация Вечности», а затем в рассказ.

А через два месяца, в мае, последовало продолжение:

«Нидерландская полиция задержала археолога Вима Дейкмана. Его подозревают в сокрытии костей, которые могут принадлежать мушкетёру дАртаньяну, сообщает De Telegraaf»

И снова я немедленно отозвался пьесой «Тайна локтевой кости, или Второе дело мушкетёра» и рассказом.

В ожидании окончания сериала - читаем дилогию.

С уважением к гасконцу и его друзьям.

Содержание

Глава	5
Тот самый гасконец, которого продали по частям	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Прах д'Артаньяна, или Монетизация Вечности

Глава

Цецен Балакаев

Прах Д'Артаньяна, или Монетизация Вечности

Литературные рассказы по пьесам.

От автора. Первое

В марте 2026 года мир взорвала новость:

«На юге Нидерландов, в городе Маастрихт, учёные-археологи нашли скелет легендарного французского мушкетёра д'Артаньяна, ставшего главным героем культового романа Александра Дюма-отца. Как сообщает нидерландский телеканал NOS, останки были найдены в феврале 2026 года во время ремонтных работ после частичного проседания пола в церкви...»

Как драматург, который пишет не в блогах, а сочиняет пьесы, я немедленно, в тот же вечер написал пьесу «Прах Д'Артаньяна, или Монетизация Вечности» (Трагикомедию в

трёх действиях, сплетающую три эпохи в единый философский фарс о славе, деньгах и бессмертии), а поскольку пьесы ставятся в театре, а театр не ставит новости, то содержание пьесы конвертирую в прозу.

В рассказ.

Тот самый гасконец, которого продали по частям

Рассказ, сочинённый Александром Дюма-отцом в состоянии крайнего раздражения, пополам с восторгом, глядя из вечности на то, как люди будущего торгуют его прошлым

Глава первая, в которой прах обретает ценник, а великий писатель хватается за сердце

Представьте себе Маастрихт. Город, где уютно пахнет сыром, кофе и туристическим евро. В одной из старых церквей, пол которой, как у любой уважающей себя старушки, просел от времени, работает профессор Ван дер Мер. Человек с кисточкой и горящими глазами археолога, который тридцать лет мечтал о большом открытии.

И вот оно. Скелет. Пуля в грудной клетке. Фрагментация костей, соответствующая мушкетной ране семнадцатого века.

– Это он, – шепчет профессор, наклоняясь к черепу. – Шарль де Бац, капитан-лейтенант королевских мушкетёров. Д'Артаньян.

В этот самый миг, по странной иронии судьбы (а ирония, как известно, любит селиться в склепах), в церковь вхо-

дят двое: Мария Слуцкая, пиар-менеджер с айфоном вместо сердца, и мэр Маастрихта – вездесущий городской персонаж настолько круглый и довольный, что его можно прокатить по центральной площади вместо рождественской ёлки.

– Это надо продать, – говорит мэр, даже не спросив, что именно. Он просто чувствует коммерцию кожей. Потому что у нормального мэра нюх на деньги не хуже, чем у блаухаунда на след.

Мария Слуцкая уже щёлкает селфи на фоне черепа. Она делает это машинально, как дышит. Это вшито в неё многовековым естественным отбором.

– Как назовём? – спрашивает она, не отрываясь от экрана. – «Сенсация века»? «Великий гасконец вернулся»?

– Лучше, – мечтательно произносит мэр, заложив руки за живот. – «Маастрихт – город мушкетёров». Звучит?

Мария на секунду отрывается от айфона.

– Звучит как «Корпорация добра». Но мы сделаем виральное видео. Мушкетёр – это же «ТикТок» семнадцатого века. Шпага, плащ, усы. Запускаем флешмоб. D'Artagnan Challenge. Мальчики танцуют, девочки покупают мерч.

– Какой мерч? – оживляется мэр.

– Шпаги из пластика. Сыр в виде шляпы с пером. Круассаны с надписью «Один за всех». И, главное, – Мария понижает голос до заговорщицкого шёпота, – крипто-музей. NFT-токены с изображением черепа. Каждый, кто задонатит больше тысячи евро, получит цифровую частицу вечности.

Профессор Ван дер Мер, который всё это время пытался вставить слово о ДНК-тесте, кариесе и научной этике, наконец понимает, что его открытие уже украли. Не кости – душу открытия. Или, если хотите, его коммерческий потенциал.

– Это святотатство, – тихо говорит он.

– Это бизнес, – бодро отвечает Мария. – Профессор, вы наивны. Человек не имеет ценности. Ценность имеет история. А историю пишут не учёные. Историю пишут алгоритмы.

Вот здесь, на этой фразе, в правом углу церкви (которого, заметим, в реальной церкви нет, но он появляется, когда нужно явить миру великого писателя) возникает он.

Александр Дюма.

Живой. Толстый. Взлохмаченный. В халате, залитом чернилами и, кажется, бордоским. Он только что оттуда, из своего 1844 года, где литературный негр Маке правит ему «Подвески королевы», а издатель Жирарден требует увеличить объём романа за счёт погонь.

Дюма смотрит на сцену Маастрихта. И хватается за сердце.

– О, Боже, – шепчет он. – Сыр в виде шляпы? Они хотят есть голову моего гасконца!

Голос его дрожит. Это отчаяние. Чистое, незамутнённое отчаяние творца, который видит, как его любимое дитя пускают на фарш.

– Я писал о чести, о дружбе, о том, что «один за всех» –

это святое! А они... они продают его кости под соусом из чеснока!

Глава вторая, в которой Дюма вспоминает, как сам был не промах

Но отчаяние Дюма длится недолго. Потому что следом приходит удивление.

– Погодите-ка, – говорит он, щурясь и припоминая. – А я сам-то чем лучше?

И тут память услужливо подбрасывает картину.

Париж, 1844 год. Кабинет Дюма. Беспорядок, который можно назвать творческим только если вы никогда не убирали у себя в комнате. Парики на манекенах, шпаги в углу, горы рукописей, жирные пятна от ужина, который давно съеден, а посуда так и стоит.

За столом сидит Огюст Маке. «Литературный негр» – так это называется в те времена. Замученный, педантичный, с красными от бессонницы глазами. Он перебирает листы и тихо ненавидит своего работодателя.

– Александр, это невозможно, – говорит Маке, и его голос дрожит от сдерживаемой ярости. – Вы пишете в неделю по двадцать глав. Я едва успеваю переписывать и искать логику. В главе «Подвески королевы» вы заставили д'Артаньяна скакать из Парижа в Лондон за три часа!

Дюма, который в этот момент наливает себе вина (оно все-

гда при нём, это вино, как верная собака), улыбается своей широкой, чуть безумной улыбкой.

– Ах, Огюст! Где твоя душа? Это же роман-фельетон! Газета «Пресса» платит построчно. Чем быстрее скачет мой гасконец, тем быстрее скачут мои франки в кассу.

– Но это безграмотно! – взрывается Маке. – Имя главного героя – Шарль де Бац де Кастельмор. А вы назвали его просто д'Артаньян!

– Короче, – пожимает плечами Дюма. – Запоминается. Кому нужно это «де Бац»? Зритель хочет плащ и шпагу. И чтобы в конце он стал маршалом Франции.

– Но он не стал маршалом! – кричит Маке, и в голосе его слышится отчаяние человека, который пытается вбить историческую правду в гранитную стену народной любви. – Он погиб от пули в Маастрихте в шестьдесят лет! Я вам сто раз напоминал!

Дюма ставит бокал. Лицо его на секунду становится серьёзным. Даже печальным.

– Не напоминай, – тихо говорит он. – Читатель не простит мне смерти героя. Я оставлю его жить. Пусть живёт вечно. В романе.

Пауза.

– Это и есть бессмертие, Огюст. Продажное, тиражное, но бессмертие.

В этот момент в кабинет врывается Эмиль де Жирарден. Главный редактор «Прессы». Человек в цилиндре, с тростью,

с запахом денег, который сильнее любого одеколona.

– Дюма! – кричит он с порога. – Чёрт вас побери! Срочно! Нужно увеличить объём! Вместо трёх мушкетёров сделайте четырёх!

– Четырёх? – переспрашивает Маке, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – Но название же «Три мушкетёра»...

– Четыре – это больше, чем три! – поясняет Жирарден с видом человека, открывшего закон всемирного тяготения. – Это на треть больше рекламных объявлений в номере! Пусть четвёртый будет главным! Название «Три мушкетёра», а героев четверо! Парадокс! Это вызовет споры! А споры – это продажи!

Дюма смотрит на Жирардена, на Маке, на свои испачканные чернилами пальцы.

– Эмиль, – говорит он медленно, – ты гений коммерции. Я преклоняюсь.

– Вы оба – идиоты! – кричит Маке, вскакивая. – Это убивает литературу! Это проституция пера!

Дюма поднимается, подходит к своему «литературному негру» и обнимает его. Маке дёргается, но не вырывается – слишком привык.

– Огюст, друг мой, – мягко говорит Дюма. – Литература – это проституция, если ты уродлив. Но если ты красив, как мой гасконец, если ты ярок – это высокая страсть, облачённая в звонкую монету. Давай, пиши сцену, где он дерётся с гвардейцами. Больше крови! Кровь тоже продаётся.

Вот так. Теперь вы понимаете, почему Дюма, глядя на Марию Слуцкую с её крипто-музеем, сначала отчаивается, а потом замирает с открытым ртом.

– Чёрт возьми, – шепчет он, почёсывая живот. – Они просто делают то же, что и я. Только у них нет ни капли стиля.

Глава третья, в которой призраки спорят о славе, а профессор говорит правду

Пока живые спорят о деньгах, мёртвые собираются на своей сцене. Там, за тонкой гранью, которую учёные называют «смертью», а поэты – «вечностью».

Д'Артаньян – молодой, красивый, с рукой на эфесе – ходит взад-вперёд по облакам или по тому, что их заменяет. Рядом с ним Атос, Портос и Арамис. Тени. Легенды. Алкоголики с золотыми сердцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.